

Содержание

То же небо здесь

9

Это всегда какой-нибудь он

13

Некоторые мужчины

19

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ноябрь 2012 года

25

ДЕНЬ ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ

Ноябрь 2012 года

219

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

Декабрь 2012 года

341

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Декабрь 2012 года

387

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Декабрь 2012 года

485

Заключительные титры

515

“Все безвинны, никто не без вины.
На цирковой арене мучат медведицу”

То же небо здесь

(на север)

Сначала поезд ехал через туннель, потом — по мосту, длиннее которого она в жизни не видела. На вокзале в Мальмё пахло кофе, почти все держали в руках дымящиеся стаканчики. Да и вся Швеция пахла кофе — и офис миграционной службы, и автобус, который вез ее на север.

Сначала было похоже на Германию: все бурое, поля, холмы и перелески с голыми деревьями, но потом стало лесистее, скалистее, белее и зеленее.

Водитель все время говорил по мобильному телефону и что-то объявлял в микрофон; наконец автобус остановился в месте под названием Лидчёпинг. Если верить словарю, то по-английски городок назывался бы примерно Саффертаун, Город Страданий. Водитель сообщил, что он расположен на берегу самого большого в Швеции озера, но озеро больше походило на море — другого берега не было видно. Поверхность затянута льдом, и темно, хотя до вечера еще далеко. Луна освещает снежный покров, все

темно и неправдоподобно, как во сне, а может, это и есть сон.

Она уснула еще до того, как они въехали в Швецию, которую ей так хотелось увидеть, а проснулась, уже когда они проезжали через город. Она смотрела в окно, и ей казалось, что она спит и видит сон, потому что деревья вдоль покрытой слякотью дороги были похожи на брокколи.

В Бурлэнге ей пришлось задержаться: она всего лишь имя на бумаге, служащие даже не знали, к какой категории ее отнести, конкретно сейчас она — несовершеннолетняя без сопровождения, но папа, наверное, уже приехал, хотя его имени не могут найти ни в одном списке.

Автобус едет на север; становится все холоднее, дороги все хуже, но пейзаж все красивее, а темнота все темнее, и она думает: как странно — здесь то же небо, что и дома. И вода та же самая, потому что вся вода на земле взаимосвязана; вода, в которой можно утонуть, и небо, на которое человек улетает после смерти, везде одни и те же.

Ночь над темно-синими горами вдруг озаряется призрачно-зеленым; автобус останавливается, и водитель объясняет, что это полярное сияние — здесь, на севере, это обычное дело. Сияние не только зеленое, оно еще желтое, голубое и фиолетовое, оно мерцает по всему небу, меняет форму, как медуза, которая сокращается и расширяется под водой, как тяжкое дыхание отравленного бога. Неужели такая красота может быть чем-то обыденным? И не станет ли она ничего не значащим фоном, если созерцать ее чуть ли не каждую ночь?

Семь строительных бытовок возле Брэкке принадлежат мужику в спортивном костюме; он собирает деньги и вылавливает несопровождаемых детей-беженцев, тридцать несовершеннолетних в возрасте от двенадцати до семнадцати лет, из которых двадцать восемь — мальчики. Не все глупы, но шестеро или семеро с придурью, так всегда бывает. Десять-двенадцать процентов людей мало того, что не способны думать, — они еще и гордятся этим. Ночью они тайком пробираются к ней; один парень пытается стащить с нее штаны, и она пинает его прямо в лицо. Парень говорит, что заявит на нее в полицию, но полиция не появляется, потому что на всю эту территорию размером с Бельгию всего трое полицейских.

Если ей предоставят убежище, то до совершеннолетия она должна жить в какой-нибудь семье. Но бумаги все не приходят, вот уже полгода все глухо, солнце дочиста слизывает снег с гор, и в Олвейслэнде наступает лето. Солнце, которое в полночь стоит высоко в небе, и вечные комариные укусы вытерпеть можно. Труднее вынести одиночество. От одиночества она сходит с ума.

Свернись клубком на морозной постели из еловых лап, черная девочка, черная снаружи и внутри, холодная и замерзшая, и пусть черная тьма поглотит тебя. Ты шлюха и убийца.

Это всегда какой-нибудь он

Шоссе 222

Смерть не черная, как вечная ночь, и не белая, как свет в туннеле; она цвета серый металлик и произведена в Германии, для езды без ограничения скорости. Снег, похожий на пласты тумана, висел над Вэрмдөледен, снежинки словно замерзли в воздухе. Автомобиль прорезал белую массу; когда он проезжал торговый центр “Накка-Форум”, спидометр показывал сто пятьдесят километров в час.

Метрах в тридцати за ним следовала другая машина, тоже на ста пятидесяти километрах в час. Красная “тойота-примус”, гибридный автомобиль, который спустя несколько лет производитель отзовет по причине дефекта тормозов; из-за этой неисправности произойдет несколько аварий со смертельным исходом. На повороте у Свиндерсвикен “тойоту” занесло и потащило вдоль дорожного ограждения в вихре искр.

Машина “серый металлик” еще прибавила скорости. Сто шестьдесят километров в час; две девушки улыбнулись друг другу.

Мерси крепче схватилась за руль.

Нова отбросила волосы со лба и закурила.

Она опустила окошко, и в машине засвистел ветер.

— Видела? Мы с ним разделались.

— С ним? Откуда ты знаешь, что это “он”?

— Это всегда какой-нибудь он.

На развязке, где Вэрмдёледен пересекается с Вэрмдёвэген, стрелка спидометра дрожала уже на ста восьмидесяти. Девушки не знали, что две полицейские машины поджидают их возле участка в Хенриксдале, что полицейские уже готовы растянуть ленту с шипами.

— Девяносто процентов всех убийств и девяносто девять процентов изнасилований совершают мужчины, — сказала Нова. — А из ста педофилов только два — женщины.

— А еще они любят мучить животных, — вставила Мерси.

— Из тысячи любителей трахаться с другими видами... — Нова рассмеялась, — коровами, например, козами, собаками и беспомощными цыплятами...

— ...девятьсот девяносто девять — мужчины, а единственную женщину, готовую сунуть в себя конский член, обучил и выдрессировал какой-нибудь мужчина.

— Они придумали групповые изнасилования, атомную бомбу и электрический стул.

— Вот что у них в голове?

— А самомнение! Все знают, все могут. А на самом деле они — одна большая ошибка, эволюционный просчет.

— Да. Одно в них хорошо — они чуть не миллиард

раз в день или бьют, или убивают друг друга. Почему им вообще дается право голоса?

— Рождается мужчина — рождается потенциальный людоед или педофил. Надо лишать их всяких прав с самого рождения...

Нова и Мерси были знакомы не слишком долго, но сдружились так крепко, что иногда казались одним человеком.

— Пусть бы эти деятели, прежде чем открыть рот, сначала доказали бы, что собираются сказать что-нибудь поинтереснее того, что скажет первая встречная девица. И так во всем мире, во все века.

Они не видели мигалки возле моста Данвиксбрун.

Не видели и ленты с шипами.

Улыбка Мерси внезапно исчезла.

— Убить десять случайно выбранных мужчин значит предотвратить сорок восемь жестоких преступлений, — сказала она. — Включая убийства и сексуальную эксплуатацию детей. Хорошо бы всех мужчин, прямо с самого дня рождения, подталкивать к самоубийству.

— Мой настоящий папа покончил с собой, — напомнила Нова.

— Пусть бы они самоубивались все, кроме твоего и моего папы.

— Да... все, кроме них.

Двести километров в час сквозь зависший в воздухе снег. Двести метров до разводного моста в Данвикстулле. Они не знали, что некий полицейский связался с дежурными и приказал развести мост, чтобы остановить их безумную гонку.